

— Камо Норитоси. Это моё имя.

После долгого, тягучего молчания в полупустой больничной палате наконец раздался голос Кэндзяку.

В его тоне сквозила глубокая усталость. Он действительно подумывал о побеге — просто промолчать и ускользнуть от ответа. Но лишившись сосуда и оставшись лишь голым мозгом, проскочить мимо Годзё Акихары и Дзэньина Тодзи? Задача невыполнимая. Глупо даже пытаться.

Пришлось подчиниться грубой силе и заговорить.

Впрочем, уступать во всем он не собирался. Кэндзяку прекрасно понимал: раскрывать истинное имя слишком опасно. Хитрости ему было не занимать, а потому он решил запутать следы и назвался тем, чью плоть когда-то прибрал к рукам. Сказал — и замер, вглядываясь в Акихару, боясь, что мальчишка почует ложь.

Но реакция последовала совсем не оттуда, откуда её ждали. Прежде чем Акихара успел хоть как-то проявить себя, Дзэньин Тодзи задумчиво потер подбородок. На его лице отразилось искреннее любопытство.

— Камо Норитоси? — хмыкнул он. — Слышал о таком. Говорят, в клане Камо когда-то завёлся поехавший безумец. Он скрещивал людей с проклятиями, породив те самые Девять картин проклятого лона.

— Только ведь это дела давно минувших дней. В хрониках написано, что его прикончили. Выходит, выжил? И превратился вот в это убожество?

Тодзи без тени брезгливости оглядел пульсирующий, усаженный мелкими зубами мозг. Ему было скорее любопытно: как вообще человеку удалось докатиться до жизни такой?

Акихара прекрасно знал всё, о чём говорил Тодзи.

Он до дыр зачитал архивы трёх великих кланов, и история предателя Камо не укрылась от его внимания. По правде говоря, Акихара ориентировался в тех событиях куда лучше нахватавшегося верхушек Дзэньина. Но делиться познаниями он не собирался.

— Сейчас он уже не человек, — сухо обронил мальчик.

Он скользнул взглядом по дрожащему существу, пытаясь задействовать способность оценки, но в ответ вспыхнули лишь обрывки данных, похожие на системный сбой. Похоже, этот паразит ставил безумные эксперименты не только над другими, но и над собственной плотью.

Чтобы протянуть столько веков, мало одной врождённой техники переселения душ, позволяющей захватывать чужие тела и спасаться от тления. Наверняка он изрядно перекроил и саму структуру своего мозга.

«Что-то вроде филактерии и лича...»

Акихара изучал Кэндзяку долгие, невыносимые секунды. Под его тяжёлым, сочащимся ядом взглядом алые глаза мальчика словно заглядывали в самую бездну. Кэндзяку похолодел от ужаса — ему почудилось, что обман раскрыт и сейчас его раздавят. Но вдруг Акихара резко отвернулся и обратился к Тодзи:

— Подай-ка мне ту булку.

«Не наелся. Допрошу его, пока жую», — лениво подумал Акихара.

Тодзи проследил за его взглядом, послушно выудил из пакета булочку со взбитыми сливками и протянул её мелкому.

Акихара неторопливо жевал сдобное тесто, целых три минуты не отрывая глаз от уродливого мозга на тумбочке. Наконец он соизволил принять ответ «Камо Норитоси».

Кэндзяку мысленно перевёл дух. И тут же прозвучал следующий вопрос:

— Кто твой сообщник в клане Годзё? С кем именно ты спелся?

С виду этот белобрысый красноглазый малец казался сущим ангелом. Вряд ли случайный прохожий поверил бы, что этот ребёнок способен за считанные минуты хладнокровно разорвать на куски проклятие особого ранга.

Но Кэндзяку, на собственной шкуре познавший истинную суть Акихары, иллюзий не питал. Он ума не мог приложить, откуда малец прознал про лазутчиков и тайные сделки внутри семьи, но долго думать не стал. Своя шкура дороже — он без колебаний сдал поделльников.

«Пусть простят меня. Я ведь просто хочу жить», — лицемерно вздохнул он про себя.

Впрочем, Кэндзяку изначально собирался избавиться от союзников, как только дело выгорит. Независимо от исхода, оставлять живых свидетелей и лишние зацепки не входило в его планы.

— Годзё Кэё и Годзё Цубаки, — послушно выдавил Кэндзяку.

Первым был четвёртый старейшина — тот самый старик, проводивший обряды оценки таланта

для всех новорождённых главной ветви. Именно он когда-то вынес Акихаре приговор, назвав никчёмной пустышкой, и шепнул на ухо Годзё Косукэ, что его следующий ребёнок родится гением.

А вот второе имя звучало на редкость серо и невзрачно. Акихара, помнивший наизусть всю родословную клана, даже не смог сходу вспомнить, кто это.

Удачная маскировка. Раз о ней никто толком не знает, значит, шпионка прекрасно справлялась со своей ролью — незаметная тень, способная беспрепятственно шнырять по поместью.

Акихара удовлетворённо кивнул. Чутьё подсказывало, что паразит не лжёт.

Последующие вопросы Акихары мало касались сегодняшнего переполоха. Мальчик расспрашивал о вещах вековой и даже тысячелетней давности, выведывая такие древние тайны, от которых у стоявшего рядом Тодзи голова пошла кругом. Наёмник уже всерьёз подумывал выйти за дверь, чтобы не забивать себе мозги лишним мусором.

Сам же Кэндзяку, выдавливая из себя ответы, дрожал от скрытого ужаса. Он решительно не понимал, откуда пятилетний ребёнок вообще может знать о подробностях давно канувших в лету времён.

— И последнее, — прошептал Акихара.

С его ладони повалил знакомый морозный пар. Сквозь белёсую дымку на Кэндзяку уставились два немигающих алых угля.

— Где сейчас находятся пальцы Рёмэна Сукуны? Выкладывай всё, что тебе известно.

Почувствовав, как морозное дыхание смерти вновь лизнуло его плоть, Кэндзяку скрепя сердце выложил координаты всех известных ему пальцев Короля Проклятий. Набралось ни много ни мало — пятнадцать штук.

Хрусь.

Едва прозвучало последнее название, как плотная корка прозрачного льда намертво сковала Кэндзяку. В ту же секунду дверная ручка повернулась, и в палату вошёл лечащий врач.

Всё было рассчитано до секунды. Перед глазами Акихары вспыхнуло системное уведомление, видимое лишь ему одному:

[Приобретён новый слуга: Кэндзяку (Камо Норитоси)]

Осмотрев Сатору, доктор подтвердил: малышу придётся задержаться в клинике ещё на пару-тройку дней.

Акихара решил остаться присматривать за братом. А вот Тодзи отсутствовал слишком долго — пришло время возвращаться к Дзэнъинам.

Обычно старейшинам было плевать, подохнет он в какой-нибудь канаве или нет, но после сегодняшнего налёта на Годзё тучи сгустились над всеми. Клан Дзэнъин автоматически попал под подозрение. Не явись Тодзи вовремя домой, его мигом запишут в соучастники похищения Шестиглазого.

Хотя, если подумать, разве он им не был?

Тодзи криво усмехнулся собственной логике.

— Слушай, ты точно тут один справишься? — перед уходом Тодзи с сомнением покосился на Акихару.

Он и представить не мог, как этот изнеженный мальчишка будет возиться с младенцем. Акихару самого вечно с ложечки кормили, а тут — грудной ребёнок, который даже ползать ещё не умеет. Да и самому Акихаре только-только стукнуло пять.

— Слишком много болтаешь, Тодзи, — отрезал Акихара.

В лучах закатного солнца мальчик выглядел утомлённым, но спокойным. По его мнению, из наёмника нянька была ничуть не лучше. К тому же у Акихары имелось незаменимое преимущество — магия оценки. А у Тодзи что? Только кулаки.

— К тому же здесь есть кнопка вызова персонала.

Действительно: если возникнут трудности, неужели в огромной больнице некому помочь? Палата была вип-класса, обслуживание — по высшему разряду, так что Акихара пользовался своими привилегиями со всем возможным высокомерием. Его железная логика напрочь лишила Тодзи аргументов.

— Хм... А ведь верно. Об этом я как-то не подумал.

Хоть Тодзи и получал от мелкого щедрые отступные, в искусстве сорить деньгами и пользоваться благами цивилизации ему ещё учиться и учиться. Качнув головой, наёмник со спокойной душой убрался восвояси.

Стоило шагам Тодзи затихнуть в коридоре, как с кровати донеслось тихое кряхтение. Малыш

Сатору наконец-то проснулся.

Подойдя к постели, Акихара заметил, что брат тянет крошечную ручонку к ледяной глыбе, в которую был замурован мозг Кэндзяку. Акихара оставил её на прикроватной тумбочке сразу после ухода врача.

Хоть магический лёд и не таял в тепле, Акихара перехватил ручку младенца.

— Грязная игрушка.

Мальчик не боялся, что младенец простудится или обморозит пальцы. Ему просто было безглаголиво.

Переставив ледышку с Кэндзяку подальше, на дальний край комода, Акихара сотворил маленькую, нежно-голубую снежинку и вложил её в ладошку Сатору.

Для Сатору, хоть он и родился зимой, это прикосновение к живому холоду было в новинку. Он удивлённо распахнул свои огромные глаза и забавно заагукал, пуская пузыри.

«Ну вот, а то разворчался: "справишься ли ты один". Прекрасно я лажу с детьми. Мелкий прямо светится от счастья», — самодовольно заключил Акихара.

Решив, что пленник ему больше без надобности, Акихара потянулся к ледяной ловушке, чтобы раскрошить её и выбросить в мусор.

Хруст.

Лёд разлетелся на мелкие осколки от легчайшего сжатия пальцев. Но под прозрачной скорлупой не оказалось ничего, кроме тонкой, высушенной кожицы. Мозг испарился.

Сомнений не было — Кэндзяку сбежал.

— А-а-а! — раздался сзади обиженный писк.

Акихара даже не повернул головы к пустой оболочке сбежавшего паразита. Ему было плевать. Какая разница, куда тот уполз, если контракт слуги и господина уже скрепил их души?

Для заключения этого договора не требовалось подлинное имя. Достаточно было того, которое Кэндзяку признавал своей частью или связывал с собой в этот момент. Тёмная магия вплелась прямо в его суть.

Этот контракт давал хозяину абсолютную власть. Кэндзяку мог даже не подозревать об узах, но теперь Акихара видел каждый его шаг, каждую мысль и каждое прибежище, где бы тот ни попытался укрыться.

— Замёрз, а выпустить не догадываешься? Ну и глупый же ты, — проворчал Акихара, возвращаясь к кровати.

Малыш Сатору ревел оттого, что ледяная снежинка обожгла ему пальцы, но упрямо сжимал кулачок, наотрез отказываясь расставаться с игрушкой. Акихара вздохнул. Психология человеческих детёнышей оставалась для него загадкой.

«Он что, действительно дурачок?»

Акихара осторожно разжал крошечные пальчики Сатору и забрал тающую снежинку. Младенец шмыгнул носом, глядя на брата полными слёз, совершенно непонимающими глазами.

— Знаешь, Сатору, будь ты моим слугой, я бы вышвырнул тебя за профнепригодность. До чего же бестолковый.

Но, к счастью, слугой он не был. Он был его младшим братом.

Великодушный и умудрённый опытом Владыка Демонов решил простить глупому братишке его слабость. В конце концов, когда Сатору вырастет, Акихара просто приставит к нему пару дюжин слуг, чтобы те думали за него.

<http://bllate.org/book/19395/1961243>